

ПЕРЕХОД СУВОРОВА ЧЕРЕЗ АЛПЫ
в 1799 году

Н. ЩЕКОТОВ

ПЕРЕХОД СУВОРОВА
ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ
в 1799 году

КАРТИНА
ВЕЛИКОГО РУССКОГО ЖИВОПИСЦА
В. И. СУРИКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»
Москва 1943 Ленинград

Итальянской кампанией и переходом через Альпы в 1799 году закончилась славная деятельность фельдмаршала Александра Васильевича Суворова на поле брани.

Воюя в самых разнообразных и обычно в исключительно трудных условиях с противниками, во главе которых зачастую находились лучшие военачальники того времени, он всегда и всюду побеждал и не знал во всю свою боевую жизнь ни одного поражения.

Победы эти были у всех на виду, были все-светно известны, но, несмотря на это, объяснить, чем был вызван неизменный успех Суворова, никому как следует не удавалось.

Специалисты военного дела пытались раскрыть тайну этого успеха, изучая кампании, проходившие под руководством Суворова, но, наряду с самыми удачными мероприятиями, находили в них и такие странности, которые повергали их в недоумение. Многие не в состоянии были достаточно глубоко проникнуть в его гениальные замыслы и понять новаторские методы его военного искусства.

Лев Николаевич Толстой указал блестящий пример подхода к пониманию великих людей. Его характеристику Кутузова в «Войне и мире» в этом отношении можно считать образцовой.

Подобной характеристики Суворова — великого русского полководца и человека — у нас до сих пор не было.

Пока что мы знаем в искусстве только одну единственную, но, по правде сказать, замечательную попытку понять Суворова более глубоко, и принадлежит она художнику Василию Ивановичу Сурикову. Суриков правильно почувствовал, в чем главным образом коренится гениальность Суворова, и выразил это в своей картине «Переход Суворова через Альпы».

Уже одно то, что Суриков избрал Суворова героем своей картины, говорит о многом.

Дело в том, что среди выдающихся деятелей русской истории Сурикова главным образом привлекали те герои, в которых с наибольшей яркостью и очевидностью проявлялись национальные черты русских людей.

В глазах художника необходимо было, чтобы деятели эти были особо близки пониманию народа, чтобы народ любил и гордился ими, чтобы жизнь и подвиги их запомнились трудящимся массам и народ запечатлел их в своих преданиях, сказаниях и песнях.

Таков Петр I в картине Сурикова «Утро стрелецкой казни», затем пламенная боярыня Морозова, Ермак — покоритель Сибири, Степан Разин — борец за освобождение народа. К числу народных героев великий наш художник приобщил и Александра Васильевича Суворова.

Картина, в которой Суриков изобразил гениального русского полководца, была закончена в 1899 году. Находится она в собрании произве-

дений искусства Государственного Русского музея в Ленинграде.

С первого взгляда она вызывает в нас некоторое изумление. Мы ожидаем увидеть батальную картину, а здесь Суриковым нарушены все те издавна принятые правила, по которым такого рода картины писались и пишутся.

Батальных картин, написанных и знаменитыми и не знаменитыми художниками, в европейской живописи многое множество. Изображают они обычно поле битвы, на котором гарцует на особо видном месте гордый победитель в сопровождении блестящей свиты. Войско бурно приветствует его, а побежденные уныло склоняются. Там и сям в подходящих местах виднеются убитые и раненные.

Ничего подобного у Сурикова нет и в помине.

Прямо на нас, с высоты угрюмой горы, свертается вниз густая толпа солдат, в которой мы вначале с трудом даже можем разобрать отдельные фигуры и лица. В левом от зрителя углу картины, прямо над крутым льдистым обрывом, на сером коне, виден Суворов.

Помещен он на втором плане и так скромно написан, так прост на вид, что, увлеченные необычайным потоком людской массы, мы даже не сразу его находим. И только тогда, когда начинаем разбираться, чем вызвано это движение, где и в чем начало этого потока вооруженных людей, приходим к Суворову.

«Главное в картине—движение, храбрость беззаветная,—покорные слову полководца, идут»,—так объяснял картину сам художник. Объяснение, конечно, правильное, но еще не достаточное

для нас, желающих глубже понять исторический смысл того, что изображено. Для этого нужна хотя бы краткая историческая справка.

Знаменитая итальянская кампания фельдмаршала Суворова, закончившаяся переходом через Альпы, заняла очень мало времени — всего-навсего несколько месяцев.

В начале 1799 года император Павел I вызвал к себе Суворова из его родового сельца Коншанское, Новгородской губернии, куда фельдмаршал был сослан тем же Павлом «с отставлением от службы» и где находился в вынужденном бездействии, в то время как в Европе начиналась новая война Французской директории с Австрийской империей. Русский император выступил на стороне Австрии. Наши войска уже шли в Германию, когда курьер, при скакавший в Коншанское, доставил Суворову собственноручное письмо Павла. Из письма сразу становится ясной та роль, какую призван был играть Суворов на арене европейской политики.

«Граф Александр Васильевич,— писал вздорный самодержец, сменяя свой гнев на милость,— теперь нам не время рассчитывать. Виноватого бог простит. Римский император требует вас в начальники своей армии и вручает вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на сие согласиться, а ваше спасти их...»

Прибыв в Италию, Суворов в пять месяцев разбил лучших полководцев Французской директории, выиграл два больших и шесть меньших сражений, взял 25 крепостей, 3000 орудий, 200 000 ружей и 80 000 пленных — трофеи, по

СУВОРОВ
Деталь картины

ВОИНЫ СУВОРОВА

Деталь картины

тому времени огромные. Италия была освобождена от французов.

Однако Суворов, как он сам говорил, больше опасался интриг и бездарности австрийского Гофкригсрата (Высшего военного совета) во главе с дипломатом Тугутом, чем врага на полях сражений. Педанты из столицы Австрийской империи, Вены, интриговали против него, оспаривали у него право самостоятельного руководства войсками и своими распоряжениями вредили делу.

«Гоф-Кригс-Рат вяжет меня из всех четырех углов, — жалуется Суворов в своих письмах в Россию. — Дайте мне полную власть, и никто не мешай. Ради бога, отнимите у них перья, бумагу и крамолу... я думал, будут толковать о деталях, а они во все операции мешаются...»

Павел I, к которому фельдмаршал обращался с жалобами, на словах выражал ему свое сочувствие, а на деле не помогал, относясь к нему, повидимому, тоже с недоверием.

В конце концов по требованию того же Гофкригсрата Суворов вынужден был вести русское войско через Швейцарию, занятую французами.

В донесении своем Павлу I от того же 1799 года сам полководец так описывает этот беспримерный поход, увенчавший новой славой доблесть русского солдата и гений самого полководца.

«Победоносное воинство вашего императорского величества, прославившееся мужеством на суше и на морях, ознаменовывает теперь беспримерную неутомимость и неустрашимость и на новой войне, на громадах неприступных гор...—

писал он.—На каждом шагу в сем царстве ужаса зияющие пропасти представляют отверзтые и поглотить готовые гробы смерти. Дремучие мрачные ночи, непрерывно ударяющие грома, льющиеся дожди и густой туман облаков при шумных водопадах, с камнями с гор низвергавшихся, умножает сей трепет... Все опасности, все трудности преодолеваются, и при такой борьбе со стихиями неприятель, гнездившийся в ущельях и неприступнейших выгоднейших местоположениях, не может противостоят храбрости войска, являющейся неожиданной на сем новом поприще.

Он всюду прогнан. Войска проходят через темную горную пещеру Унзерн-Лох, занимают мост, удивительною игрою природы из двух гор сооруженный и наименованный Тейфельсбрике (Чортов мост). Оный разрушен неприятелем, но еще не останавливает победителей. Доски связываются шарфами офицеров. По сим доскам бегут они, опускаются с вершин в бездны, достигают врага, поражают его всюду. Напоследок надлежало восходить на снежную гору Бинтер-Берг, скалистую, крутизною все прочие превышающую. Утопая в скользкой грязи, должно было подыматься противу и посреди водопада, неизвергавщегося с ревом и изрыгающего с яростью страшные камни и земляные глыбы, на которых много людей с лошадьми с величайшим стремлением летели в преисподние пучины, где многие убивались... Никакие слова не способны изобразить сей картины во всем ее ужасе...»

Описание Суворова свидетельствует о силе того впечатления, какое эти сверхъестественно трудные условия перехода произвели на него

самого, немало в своей походной жизни видевшего и пережившего.

Лучшего введения к картине Сурикова, чем это описание, и представить себе нельзя. Несомненно, что оно не только было известно художнику, но и было им принято в качестве основы для композиции картины.

На самом деле, в донесении фельдмаршала «новая война», то-есть война с природой, занимает первое место. В этом Суворов главным образом дает почувствовать необычайность подвига своих войск. Разве не то же самое мы видим в картине Сурикова? Если в других картинах, написанных им до этого, он испытывал, так сказать, своих героев в борьбе с враждебными им людьми, то здесь, в «Переходе Суворова через Альпы», русские люди проходят на наших глазах новый и не менее тяжкий искуc, вступая в единоборство со стихийными силами самой природы.

Перед полководцем и его войском в картине пока нет другого противника, кроме поднебесной выси, снежно-льдистой кручи и бездонной пропасти. Вокруг ни признака человеческой культуры, ни следа человеческого пребывания. Суворов и воины его — одни, одни среди первобытной и чуждой, враждебной им высокогорной пустыни.

Где-то впереди, по ту сторону пропасти, куда скатываются солдаты, предстоит кровопролитная восточа, предстоит бой с притаившимся врагом — об этом свидетельствует оружие, которое берегут солдаты, не выпуская его из окоченевших рук, — но сейчас, в это мгновение, на котором останавливает наше внимание художник, — это оссинос

ненастье, снега и льды, скалистые кручи, бездорожье и угрюмое безлюдье на горных высотах опаснее, коварнее и мучительнее, чем самое страшное сражение, чем самый яростный бой. И этого еще мало,— армии Суворова противостояли стихийные силы природы и превосходящий числом и опытный в боевом деле противник, однако этим не исчерпывались те препятствия, какие приходилось побеждать русскому войску. Кроме этих внешних препон, ему угрожала и еще одна, тоже не малая опасность—упадок духа, потеря веры в себя и в своего полководца. Известно, что во время похода некоторые из полков пришли в смятение и готовы были послушаться своих начальников. Случай исключительный, случай, небывалый в среде суворовских чудо-богатырей. Своим вдохновенным словом Суворов быстро положил предел этому волнению, однако сам отлично сознавал, что навязанный ему переход через Альпы в осеннюю пору, при отсутствии надлежащего снабжения и перевозочных средств, был в конце концов не чем иным, как ловушкой, устроенной завистливыми и недобросовестными союзниками-австрийцами. Их войска в это время уже ушли из Швейцарии. Французы заняли горные проходы. Суворовская армия в числе 18 000 человек осталась одна перед неприятелем, располагавшим 60 000. Все это, взятое вместе, выходило уже из границ обычной бездарности австрийского военного совета, с которой фельдмаршалу приходилось бороться в Италии, и больше походило на предательство.

«Иду,—воскликнул, по свидетельству современников, Суворов,—иду, но горе тем, кто по-

сылает меня! Я бил, но не добил французов, и злоумышленники расскаются, но поздно!»

Предсказание гениального полководца скоро оправдалось: возвратившись из своего египетского похода, Наполеон не только отнял у австрийцев всю Италию, но заставил Австрийскую империю, в числе других побежденных им государств, плестись в хвосте своей триумфальной колесницы.

Приведенных нами исторических данных достаточно для понимания содержания картины Сурикова. Они дают нам возможность понять то волнение, какое мы испытываем, разглядывая изображенных им людей.

Прежде всего нас поражает образ четырех солдат на переднем плане картины. Один из них, в самом низу, вихрем скатывается в пропасть, придерживая шляпу на голове: следующий, выше его, с развевающимся плащом, следует за ним, упираясь изо всех сил в снег. Тут же рядом — третий, опустился на выбоину в снегу и в ужасе закрыл лицо плащом. Последний — одна из самых замечательных фигур в картине — суровый, седоволосый, седоусый солдат вперил тяжелый взор в разверстую перед ним пучину и осеняет свой лоб крестным знаменем.

Мужественный дух русского солдата выражен художником прежде всего и лучше всего именно в этой группе и выражен совершенно необычайным для большинства батальных картин образом. Никаких парадных жестов, никакой гордыни, воинской спеси, никакой специально военной стройности и внешнего блеска, посредством которых иные художники пытаются приукрасить

тяжкое дело солдата на поле брани, здесь нет. Наоборот, бросается в глаза какая-то даже грузность в движениях суворовских воинов, хаос в их массе, вопреки военному строю тех времен. Строй этот, кстати сказать, по свидетельству самого Суворова, был совершенно не пригоден в условиях горной войны, когда воинские части вынуждены разбиваться на мелкие отряды.

Не видим мы и той особой солдатской бравоности в их лицах, которая так радует командиров-службистов. Павел I, горячий поклонник строгого воинского артикула, выработанного Фридрихом II, королем прусским, был бы, вероятно, немало возмущен, увидевши свою армию в таком состоянии. Как известно, Суворов и был в опале главным образом за те едкие насмешки, которыми он преследовал это увлечение русского императора, противопоставляя ему свою суворовскую систему воспитания и обучения русского войска, выработанную не на плацу-парадах, а непосредственно на полях победоносных сражений.

Когда, по приказанию Павла, в русской армии были введены прусский мундир, пудра, букли, косы, Суворов зло высмеял эти нововведения: «Пудра не порох, букли не пушки, косы не тесаки, и мы — не немцы, а русаки!» — выразился он, попадая не в бровь, а в глаз новаторам. Известно, что и позднее, в войне 1812 года, ученики и последователи Суворова, знаменитые Кутузов, Багратион, Милорадович и другие военачальники, бывшие его соратниками, боролись с защитниками немецкой системы, неоднократно к этому времени уже битыми Наполеоном.

Лев Толстой в «Войне и мире» очень ярко и живо изобразил борьбу русских патриотов с немецкими педантами. В сущности именно суворовское военное искусство в лице фельдмаршала Кутузова, суворовское знание русского солдата привели тогда к разгрому наполеоновской армии.

Суриков, если мы только внимательно отнесем к рассмотрению его картины, постиг особый характер русского солдата, воспитанного Суворовым. Все в этом солдате необыкновенно просто, без прикрас и без ложного пафоса. Все напускное, что он иной раз вынужден бывает нести на себе по воле власть имущих, начисто отпадает в серьезный, решающий момент его боевой жизни, и тогда обнаруживается необыкновенное его мужество, сверхъестественная душевная стойкость и преданность своему долгу до самой смерти.

Об этом как раз и говорит нам образ седовласого, седоусого воина, изображенного Суриковым на переднем плане картины.

Если самому фельдмаршалу во время перехода через Альпы было семьдесят лет, то этому воину немногим меньше. Видно, это один из тех старых солдат, которые разделяли с гениальным полководцем и тяготы и славу его многочисленных побед. Храбрость его отмечена георгиевским крестом на широкой груди, а приверженность своему воинскому делу — той бережливостью, с какой он прижимает к себе тяжелое ружье. Какой строгий, какой внутренне величественный образ создал в нем художник!

Во всей мировой живописи мы не знали лучшего воплощения мужества и доблести старого честного воина.

Суровым, почти гневным взором глядит он прямо в лицо смертельной опасности. Печать глубокой, последней, может быть, думы одухотворяет его лицо. Думы о чем? О чем, конечно, как не о родине, от которой он отдален в этот миг на тысячи верст. Отдален и заброшен в чужую враждебную страну, вынужден принести свою жизнь в жертву чужим интересам, и, тем не менее, он пребывает верным своей родине, верным и преданным ей до конца. И ничто не в состоянии поколебать эту верность!

Поражает полная погруженность всех дум и чувств, всего существа его служению своему долгу, долгу русского солдата.

Суворов любил вспоминать походы знаменитого полководца древнего Рима Юлия Цезаря. «Выбери себе героя, догоняй его, обгони его! Мой герой — Цезарь. Альпы за нами и бог перед нами! Орлы русские облетели орлов римских!» — говорил он после похода в Италию и Швейцарию.

Сама природа, можно сказать, подсказала художнику, как ему изобразить в картине движение солдатских масс в связи с внутренним ее смыслом.

С присущей ему честностью Суриков решил изучить обстановку действий суворовского войска и отправился для этого в Швейцарию.

«Мне для картины надо снеговые вершины, — писал он в одном из своих писем к брату. — Может, надо в Швейцарию ехать на месяц

МОЛОДОЙ СОЛДАТ

Этюд

СТАРЫЙ СУВОРОВСКИЙ СОЛДАТ

Этюд

или на два». Потом, позднее: «Ну, вот мы и в Швейцарии. Горы тут, брат, поболее, чем у нас в Красноярске (родина художника.— Н. Щ.). Пишу этюды для картины... льды, брат, страшной высоты, потом вдруг слышно, как из пушки выстрелит — это, значит, какая-нибудь глыба рассыпалась. Эхо бесконечное...»

Но не одними этюдами он тут занимался. Он прошел весь знаменитый суворовский марш и по пути «примеривал», как этот путь суворовские герои одолевали.

«Верхние тихо идут,— рассказывал художник,— средние поскорее, а нижние совсем летят вниз. Эту гамму выискать надо было. Около Интерлакена сам по снегу скатывался с гор, проведая. Сперва тихо едешь, под ногами снег кучами сгребается. Потом — прямо летишь, дух перехватывает».

Так, если внимательно взглядеться в картину, это опасное скатывание солдат и передано. На такие группы их можно разобрать не только по силе движения, но и по психологической характеристике.

Если б Василий Иванович Суриков ограничился в своей картине только той характеристикой русского солдата, какую он дал в первопланной группе, трагический момент был бы проявлен с излишней силой, и зритель, возможно, не угадал бы тогда победоносного исхода этого движения. Вот почему необыкновенно важна в картине вторая группа русских воинов, находящаяся выше первой и еще не овеянная дыханием разверстой под ногами бездонной пропасти. Это группа молодых солдат.

В первой нижней группе старых, многоопытных бойцов мы чувствуем крайнюю напряженность душевных сил, естественную при совершении исключительно важного, решающего дела, мы являемся свидетелями великого подвига; по-выше — среди молодых воинов господствует жизнерадостность, почти беспечность, сопутствующие молодости, а третья группа в глубине идет как по ровному месту. К группе молодых, между прочим, непосредственно обращается и сам Суворов. Это его обращение чрезвычайно осмысленно и психологически правильно определено художником. Старые воины настолько проникнуты сознанием долга, настолько закалены в тяжких походах, что не так нуждаются в ободряющем и вдохновляющем слове полководца, как молодые.

Замечателен в этом отношении и жест Суворова. Его протянутая вперед рука указывает на что-то, по ту сторону пропасти находящееся. На врагов, можно предполагать, притаившихся среди скал. «Вперед! Вперед!» — говорит его жест. И действительно, у этих молодых воинов вся жизнь еще впереди, и подвиги, и слава. А какими невероятными усилиями, какими страданиями эта слава завоевывается, они как следует еще не ведают, да, возможно, в этот момент и знать им этого еще не надо, достаточно и того, что они слышат слово полководца и верят ему, многоопытному, много знающему, много испытавшему. «Покорные слову полководца, идут».

Какое же это слово? Приказание? — Нет. Приказание не отдают с улыбающимся лицом,

какое мы видим здесь у Суворова. На приказания не отвечают откровенным, радостным смехом, как это делают молодые солдаты. Особенно два. Один в отодвинутой на затылок треуголке, а другой в блестящем высоком кивере. Нет, — скорее всего это простое меткое русское слово, одно из тех, которыми так богат народный язык, которые, как драгоценность, собирали великие русские писатели — Пушкин, Гоголь, Толстой, Чехов, Горький и др. И улыбка, и шутка эта суворовская, и ответный на нее смех солдатской массы в это мгновение смертельной угрозы — все это национально русское. Все это выражение особой, своеобразной удали русского человека. Не один Суворов, многие полководцы шутили со своими подчиненными, но в истории, в народной истории осталась только суворовская шутка, и Суриков понял это, почувствовал своим тоже глубоко русским сердцем.

И, конечно, — и мы, зрители картины, убеждены в этом — в шутке Суворова, произнесенной в момент перехода через Альпы, было, обязательно было, не могло не быть, нечто, говорившее сто чудо-богатырям о родине, о своем русском. Иначе какой же был бы в ней смысл? Как могла бы она осветить лица этих молодых солдат и внушить им уверенность, что они победят и, осененные славой, возвратятся в свое дорогое отечество?

Шутливое слово Суворова, точно луч солнца, озаряет всю картину непреодолимой, неуязвимой жизнерадостностью и разрешает в сторону торжества героев тот трагический момент, какой выражен в нижней группе воинов.

Теперь мы окончательно понимаем, где ключ к композиции картины, в чем и в ком исход и причина того движения людской массы, какое изобразил художник. Он — в полководце, он — в Суворове.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью Россиян все побеждать?

воскликает поэт Державин, современник гениального полководца, в своем стихотворении на смерть Суворова. Таким, каким описал его в этих кратких строках поэт, видим мы его и в картине Сурикова. И в то же время это был князь Италийский, граф Российской и Римской империи, Александр Васильевич Суворов-Рымникский, генералиссимус Российских войск, фельдмаршал Австрийских и Сардинских войск, Сардинского королевства гранд, принц королевского дома и многих орденов российских и иностранных кавалер.

Про эти титулы и отличия знали и солдаты Суворова, но знали вместе с тем, — а это, конечно, самое важное для характеристики отношений полководца и его воинов, — что превыше всех этих званий и наград ценит он звание солдата. Об этом свидетельствовала наглядно вся его по-настоящему солдатская жизнь, солдатская русская речь, об этом говорили многочисленные раны, полученные им на полях сражений. Его

СОЛДАТ, СПУСКАЮЩИЙСЯ В ПРОПАСТЬ

Этюд

ГОЛОВА СОЛДАТА
Рисунок

солдаты знали, видели, что он всегда с ними, что нет для него выше чести, как быть во главе их.

Вот этим-то и объясняется прежде всего непобедимость Суворова.

Таким понял, таким изобразил нам его великий наш живописец Василий Иванович Суриков, изобразил гениального русского полководца в среде русских воинов, совершающих с ним вместе великий подвиг во имя славы и чести своей родины.

Редактор А. Леснов

*Обложка работы
художника Г. Смеловой*

Подписано к печати 17/III 1943 г.
Л25202. Тираж 10000 экз. Печ.
л. $\frac{5}{8} + \frac{1}{4}$, иллюстр. Уч.-изд.
л. 0,83. Знаков в 1 п. л. 48 960
„Искусство“ № 2665

Цена 1 руб.

Тип. „Красный печатник“ Гос.
изд-ва „Искусство“, Москва,
ул. 25 Октября, д. 5. Зак. № 107.